

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ГАО ХАНЬ

**ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ
Ф.Д. КРЮКОВА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и
современного литературного процесса филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Солнцева Наталья Михайловна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Алпатов Сергей Викторович,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского
устного народного творчества
факультета ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Леонов Иван Сергеевич,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры мировой литературы
ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка имени А.С. Пушкина»

Кожухаров Роман Романович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры новейшей русской литературы
ФГБОУ ВО «Литературный институт
имени А.М. Горького»

Защита диссертации состоится «25» апреля 2024 года в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2897>

Автореферат разослан « _ » _____ 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В прозе Ф.Д. Крюкова¹ (1870–1920) отразилась культурно-историческая специфика времени. Автобиографизм и документальная точность его произведений сочетаются с субъективностью писательского взгляда на общественные процессы конца XIX в. и первых десятилетий XX в.; его гражданская позиция соответствует гуманистическим взглядам, политическая актуальность его прозы согласуется с такими онтологическими темами, как жизнь и смерть. В целом повести, рассказы, очерки Ф.Д. Крюкова – пример художественной антропологии.

Объектом диссертационного исследования является литературное наследие Крюкова, изображение им жизни донского казачества конца XIX в. и первых двух десятилетий XX в. **Предмет исследования** – творческая и общественная аксиология Крюкова, его художественное восприятие сознания, характеров, образа жизни донских казаков, литературный контекст его прозы. **Материалом** послужили произведения Крюкова, отражающие гражданские и семейные ценности казаков, в целом их ментальность. Например, к анализу привлечены рассказы, повести, художественные очерки «Гулебщики» (1892), «Шульгинская расправа» (1894), «Казачка» (1896), «На тихом Дону» (1898), «В родных местах» (1903), «Из дневника учителя Васюхина» (1903), «Картинки школьной жизни» (1904), «К источнику исцелений» (1904), «Шаг на месте» (1907), «Новые дни» (1907), «Жажда» (1908), «Мечты» (1908), «Зыбь» (1909), «Товарищи» (1909), «Отрада» (1909), «Шквал» (1909), «Полчаса» (1910), «В камере № 380» (1910), «Мать» (1910), «Угловые жильцы» (1911), «Спутники» (1911), «Счастье» (1911), «Будни» (1911), «На речке лазоревой» (1911), «Сеть мирская» (1912), «Офицерша» (1912), «Без огня» (1912), «В глубине» (1913), «Тишь» (1914), «Около войны» (1914–1915), «За Карсом» (1915), «Ратник» (1915), «Душа одна» (1915), «Группа Б» (1916),

¹ Ф.Д. Крюков написал около 250 повестей, рассказов, очерков.

«Обвал» (1917), «Мельком» (1917), «Новое» (1917), «В углу» (1918), «После красных гостей» (1919), «Цветок-татарник» (1919) и многие другие.

Литературный контекст составили посвященные казачеству произведения русских писателей – классиков (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Л. Толстой) и современников Крюкова (П. Васильев, Вс. Иванов, П. Краснов, И. Родионов, И. Сазонов, А. Серафимович, И. Шмелёв, М. Шолохов и др.) Представление о менталитете казака отразилось уже в «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» (XVII в.). Свою роль сыграл былинный эпос², народные песни³.

Крюков широко представил жизнь казаков еще до появления рассказов своего младшего современника М. Шолохова (1905–1984)⁴. Его произведения о донском казачестве выходили в те же годы, что и произведения донских писателей И. Родионова (1866–1940), А. Серафимовича (1863–1949), И. Сазонова (1876–1933). Творческое наследие Крюкова как неотъемлемая часть литературного процесса, в том числе донской прозы первой половины XX в., заслуживает собирания и тщательного исследования. *Актуальность* работы обусловлена фактором сращения региональной литературы с общероссийской, единством исторических судеб казачества и народа России в целом.

Степень научной разработанности темы. Первые попытки вернуть имя Крюкова читателям предприняли В. Моложавенко⁵ и В.М. Проскурин⁶. С 1970-х годов к анализу прозы Крюкова обратились в связи с вопросом об авторстве «Тихого Дона» М. Шолохова⁷. Сопоставительный

² Листопадов А.М. Песни донских казаков: В 5 т. Т. 1: Былинные песни (О складе былин северных и донских) / Общ. ред. Г. Сердюченко; предисл. С. Кондратьева. М.: Музгиз, 1949. 247 с.

³ Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. 511 с.

⁴ Первый рассказ Шолохова «Зверь» (впоследствии «Продкомиссар») был отправлен в альманах писательской группы «Молодая гвардия» в начале 1924 г., то есть после смерти Крюкова.

⁵ Моложавенко В. Об одном незаслуженно забытом имени // Молот (Ростов-на-Дону). 1965. 13 авг. С. 3–4.

⁶ Проскурин В. К характеристике творчества и личности Ф.Д. Крюкова // Русская литература. 1966. № 4. С. 179–186.

⁷ Напр.: Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? М.: Книга, 1989. 186 с.; Макаров А.Г., Макарова С.Э. Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к

текстологический анализ, сравнение сюжетных ситуаций, персонажей, роли в текстах казачьей песни внесли вклад в изучение творческой специфики Крюкова. Ряд научных работ появился вслед за изданием в начале 1990-х годов сборников его рассказов и повестей⁸. Изучение архивных материалов, творческого пути писателя, его сотрудничества с периодическими изданиями предпринял А.А. Заяц⁹. Эволюция творчества Крюкова, содержание, жанровое своеобразие его рассказов и повестей – предмет изысканий В. Васильева¹⁰, Л. Сатаровой¹¹.

В 2000-е годы были предприняты издания прозы Крюкова по тематически-хронологическому принципу¹²; во вступительных статьях А.Г. Макарова сделан акцент на биографии писателя, общественно-политическом, историческом контексте его произведений¹³. Научные изыскания Е.А. Смирновой основаны на архивных данных, дневниковых записях, публицистике писателя в период его сотрудничества с

Федору Крюкову. М.: АИРО-XX, 2001. 500 с.; *Мезенцев М.Т.* Судьба романов: к дискуссии по проблеме авторства «Тихого Дона». Самара: Р.С. Пресс, 1998. 112 с.

⁸ *Крюков Ф.Д.* Офицерша: Повести и рассказы. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. 362 с.; *Крюков Ф.Д.* Рассказы. Публицистика / Сост., вступ. ст. и примеч. Ф.Г. Бирюкова. М.: Советская Россия, 1990. 571 с.; *Крюков Ф.Д.* Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе / М.: Худож. литература, 1993. 444 с.

⁹ *Заяц А.А.* Крюков Ф. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. М.: БРЭ, 1994. Т. 3. С. 187–189. Полный текст статьи: Федор Крюков. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. М.: АИРО-XXI. 2020. С. 5–17.

¹⁰ *Васильев В.В.* Возвращение Федора Крюкова // Шолохов на изломе времени: статьи и исследовательские материалы к биографии писателя. Исторические источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы / ИМЛИ РАН. Сост., отв. ред. В.В. Петелин. М.: Наследие, 1995. С. 111–136.

¹¹ *Сатарова Л.Г.* Спор о казачестве (О творчестве донских писателей Петра Краснова и Федора Крюкова) // Подъем. 1998. №12. С.214–229.

¹² Булавинский бунт (1707–1708 г.). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись Федора Крюкова из Донского архива писателя. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 208 с.; *Крюков Ф.* Казацкие повести: Повести. Рассказы. М.: Вече, 2005. 384 с.; *Крюков Ф.Д.* Родимый край: Рассказы, очерки. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. 550 с.; *Крюков Ф.Д.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. М.: АИРО-XXI, 2009. 368 с.; *Крюков Ф.Д.* Православный мир старой России. М.: АИРО-XXI, 2012. 200 с.; *Крюков Ф.Д.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону М.: АИРО-XXI, 2012. 362 с.; *Крюков Ф.Д.* На Германской войне. На фронте и в тылу. М.: АИРО-XXI, 2013. 548 с.; *Крюков Ф.Д.* На Дону. В родных местах. М.: АИРО-XXI, 2016. 384 с.; *Крюков Ф.Д.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. М.: АИРО-XXI, 2020. 416 с.; *Крюков Ф.Д.* Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. 368 с.; *Крюков Ф.Д.* Старое поле. В начале пути. М.: АИРО-XXI, 2021. 320 с.

¹³ Также: *Макаров А.Г., Макарова С.Э.* В тени «Тихого Дона». Федор Крюков – забытый русский писатель. М.: «АИРО-XXI», 2006. 64 с.

журналом «Русское богатство»¹⁴. В монографии Л.Н. Малюковой («“И покотился с грохотом обвал...” Судьба и творчество Ф.Д. Крюкова», 2019) развернуто жизнеописание писателя, дан анализ его произведений¹⁵. Также судьбе Крюкова посвящены работы Л.В. Поляковой, А.В. Сыпченко, С.А. Кислицына, И.Г. Кислицыной¹⁶. Значительную роль в изучении творческого пути Крюкова играет освоение его переписки с А.Г. Горнфельдом, В.Г. Короленко, И.Д. Сазоновым, А.С. Серафимовичем, А.И. Тиняковым и др.

Вместе с тем литературное наследие Крюкова исследовано недостаточно; сохраняются вопросы, касающиеся развития его творчества и общественных взглядов, источников мотивов его прозы, литературно-политического контекста, поэтики, жанровой специфики.

Научная *новизна* исследования заключается в систематизации мотивов и образов большого корпуса текстов Крюкова, выявлении соотношения сюжетов и реальных событий, рассмотрении влияния общественно-политических взглядов писателя на содержание рассказов, повестей, очерков, а также в определении места его прозы в художественной литературе 1890-х–1910-х годов, уточнении литературного контекста.

Цель диссертации – анализ особенностей авторской интерпретации личных и общественных ценностей донского казачества, изображения судеб и быта казаков в предреволюционное и революционное время, что определяет следующие *задачи*:

1. Охарактеризовать эстетические приоритеты Ф.Д. Крюкова.
2. Систематизировать общественные взгляды писателя и их отражение в

¹⁴ Смирнова Е.А. Проза Ф.Д. Крюкова в публицистическом контексте «Русского богатства». Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 215 с.; Смирнова Е.А. Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф.Д. Крюкова // Вестник ВолГУ. Серия 8. 2005. № 4. С. 89–95; Смирнова Е.А. Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова: тематический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. С.48–52 и др.

¹⁵ Малюкова Л.Н. «И покотился с грохотом обвал...» Судьба и творчество Ф.Д. Крюкова. М.: ФЛИНТА, 2019. 254 с.

¹⁶ Полякова Л.В. Судьба и творчество Федора Крюкова // Вестник ТГУ. 2008. № 1 (57). С. 360–365; Сыпченко А.В. Крюков Федор Дмитриевич: писатель и народный социалист // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2(93). С. 107–111; Кислицына С.А., Кислицына И.Г. Ф.Д. Крюков – педагог, общественный деятель, писатель. Эволюция политических взглядов // Известия ВУЗов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1(209). С. 65–71.

его повестях, рассказах и публицистике.

3. Изучить историю донского казачества конца XIX в.–первых двух десятилетий XX в.

4. Выявить хозяйственные, религиозные, общественные, семейные приоритеты донских казаков, отраженные в прозе Крюкова; акцентировать внимание на решении темы личной свободы и долга казаков в мирной и военной жизни; рассмотреть специфику психологического анализа.

5. Проанализировать особенности изображения внешнего портрета рядового казака в рассказах Крюкова.

6. Определить средства создания Крюковым вербальных пейзажей и их роль в описании менталитета донских казаков.

На защиту выносятся следующие *положения*:

1. В творчестве Крюков следовал традициям реализма, опирался на личный жизненный опыт, знание казачьего быта. Произведения Крюкова исторически достоверны, ряд описанных ситуаций подтверждается событиями из истории Донских казачьих полков.

2. Сюжеты произведений жизнеподобны. В основу сюжетных линий положены общественные, внешнеполитические, любовные, семейные, этнические конфликты, в которых раскрываются постоянные темы произведений Крюкова – противопоставление или гармония личной воли и долга, антитеза свободы и обстоятельств принуждения, страсти и рока, греха и наказания, инстинктов и высоких идеалов. Крюков, отказавшись от романтизации казака, изобразил противоречивые характеры.

3. Главный герой – рядовой казак. Типология персонажей обусловлена сочетанием психологии личности, социального статуса, станичной этики, условий воинской службы, этноментальной специфики. Особое внимание автор уделил характерам молодых казаков, матерей и жалмерок. Многие произведения посвящены кризису традиционного сознания, зарождению новых общественных и личных идеалов. Выведенные в прозе Крюкова

психотипы соответствуют характерам казаков, описанных в прозе Вс. Иванова, Краснова, Серафимовича, Шмелёва, Шолохова и др. В изображении станичной жизни автор обращается к донскому фольклору, игровой и лексической культуре казаков. Значимы портретные и пейзажные детали.

4. Константная тема жизни и смерти раскрывается через сочетание витальных и мортальных мотивов («Гулебщики», «Зыбь», «Из дневника учителя Васюхина», «Душа одна», «Казачка», «Цветок-татарник» и др.). Писатель воспринимал смерть двояко: как личную трагедию и как бытийную ценность, необходимую для осознания полноты и конечности жизни. Массовые смерти на войне лишены, с его точки зрения, бытийного и цивилизационного смысла («Усть-Медведицкий боевой участок», «Здесь и там» и др.).

5. В сюжетах и персонажах отражены общественные идеалы Крюкова. Его демократизм сформировался в литературной среде (сотрудничество с «Русским богатством») и благодаря его политическим взглядам (идеолог Трудовой народно-социалистической партии). Содержание очерков свидетельствует о нарастании критического отношения Крюкова к развитию революционных событий 1917 г.

Методологическая и теоретическая основа. В качестве основных методов исследования избраны герменевтический, сопоставительный, культурно-исторический. Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды Г. Башляра, Р.Л. Красильникова, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.Е. Хализева, Е. Фарыно и др. При исследовании творчества Крюкова использованы положения научных работ Е.С. Бирючевой, В.В. Васильева, А.Г. Макарова и С.Э. Макаровой, Л.Н. Малюковой, М.Т. Мезенцева, Е.А. Смирновой и др. Методологической и концептуальной основой освоения историко-литературного материала 1890-х–1920-х годов стали научные труды М.М. Голубкова, Е.А. Дьяковой, В.Б. Катаева, В.А. Келдыша, Л.А. Колобаевой, М.В. Михайловой, И.Б. Ничипорова,

С.Г. Семёновой, Н.М. Солнцевой и др. Фольклорные аспекты диссертации соотнесены с результатами изысканий С.В. Алпатова, М.С. Альтшулера, А.Н. Афанасьева, О.В. Капли, Т.С. Рудиченко и др.

Основой для освоения истории донского казачества послужили работы Л.Н. Гумилева, В.В. Дзюбана, Д.И. Иловайского, А.И. Медведева, А.И. Ригельмана, И.А. Родионова, Ю.П. Родионова, Н.В. Рыжковой, С.М. Сидельникова и др. Методологический подход к вопросам этнических отношений определен положениями трудов Н.А. Бодневой, Е.В. Брысиной, Г.Д. Гачева, А.Я. Гуревича, И.И. Ивановой, О.А. Кукобы, А.В. Сопова, И.Ю. Юрченко и др. В диссертации использованы положения научных сочинений Н.А. Бердяева, Э. Гуссерля, В.Н. Ильина, Г. Маркузе, М. Хайдеггера, Л.А. Шестова, А. Шопенгауэра.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается системным подходом к анализу большого корпуса текстов, совокупностью методов, применяемых в изучении истории литературы, обращением к биографическому, литературному, историческому контексту, опорой на положения и выводы научных трудов.

Теоретическая значимость работы состоит в решении вопросов, касающихся авторского осмысления этно-ментальности героев, художественного потенциала публицистических жанров, соотношения реальных событий и особенностей сюжетов. ***Научно-практическая значимость*** заключается в содержании диссертации, которое может быть востребовано в дальнейшей научной работе, подготовке курсов лекций и семинарских занятий по истории русской литературы.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в 5 статьях, 4 из них опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. На научных конференциях прочитаны доклады: 1) «Изучение казачьей литературы в Китае» (всероссийская конференция

«Современная российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации». МЦНС «Наука и просвещение». Пенза. 20 мая 2022); 2) «Гуманизм в творчестве Ф. Крюкова» (международная конференция: «Актуальные вопросы современных научных исследований». МЦНС «Наука и просвещение». Пенза. 10 января 2023); 3) «Концепция жизни и смерти в прозе Ф. Крюкова» (XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва. 18 апреля 2023).

Диссертация прошла апробацию при защите НКР по теме «Донское казачество в художественном восприятии Ф.Д. Крюкова и литературный контекст» на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1 сентября 2023).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 286 позиции. Общий объем диссертационной работы составил 226 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность исследования, выявляются степень изученности темы, определяются цели, задачи, научная новизна, обозначаются предмет, объект, материал исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе, «**Мир донского казачества в аксиологии Ф. Крюкова**», систематизированы творческие, политические, общественные позиции писателя, обусловившие содержание его публицистики, рассказов, повестей.

В параграфе 1.1, «**Творческие приоритеты Ф. Крюкова**», писатель характеризуется как «строжайший реалист», «правдивейший из

бытопоклонников»¹⁷, а его проза – как проявление «мощного потенциала» традиционного реализма и «поиска новых тем, героев, сюжетов»¹⁸. Она не сводится к «натуралистической эмпирике, самодавяющей описательности, фактографизму»¹⁹, но в ее «элементарной правде» нет и «пустых» «глубин познания»²⁰. Основные бытийные вопросы произведений Крюкова – содержание жизни и смысл смерти, границы личной свободы, роль человеческого фактора в устройении судьбы личности, семьи, станицы, Области Войска Донского, России. Характеры персонажей мотивируются общественными, религиозными, хозяйственными, психологическими аспектами жизни человека. Психологизм произведений сдержан. Рассказы, повести, очерки написаны классическим литературным языком («вкус у меня – устаревший; я держусь группы народников и в экономических, и в эстетических взглядах»²¹).

Произведения отмечены чертами автобиографизма и этнографической точностью. Крюков ввел в литературу нового героя – донского казака (воина и хлебопашца), в судьбе которого отражены региональные, российские, общечеловеческие проблемы. Демократическая направленность прозы Крюкова отвечала творческим задачам журнала «Русское богатство», была поддержана В.Г. Короленко. Очевидно сближение стиля публицистики Короленко²² и Крюкова (сочетание яркой художественности и аналитичности, авторских отступлений, конкретики факта).

В параграфе 1.2, **«Казачество как предмет художественного**

¹⁷ Пинус С. Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова // Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919 / Вступ. ст. А.Г. Макарова. М.: АИРО-XXI, 2020. С. 320, 322.

¹⁸ Катаев В.Б. Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 191.

¹⁹ Колобаева Л.А. Реализм: тенденции и модификации. Общая характеристика // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 23.

²⁰ Горнфельд А.Г. Рассказы Крюкова // Горнфельд А.Г. Книги и люди. Литературные беседы. СПб.: Жизнь, 1908. С. 114.

²¹ ОР ПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 774, ед. хр. 22 (4502), л. 1.

²² Михайлова М.В. В.Г. Короленко // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм. С. 135.

осмысления (общая характеристика)», представлены черты казачьего комплекса, сформированного в русской литературе начиная с «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» (XVII в.). Идеализация казака (Пушкин. «Казак», 1814), драматизм его судьбы (Пушкин. «История Пугачева», 1833; «Капитанская дочка», 1836), страстность, неоднозначность характера, национальное самосознание (Гоголь. «Тарас Бульба», 1835), несоответствие казачьего менталитета дворянской культуре (Толстой. «Казаки», 1862) – эти и другие особенности продолжены и усложнены в произведениях XX в., в них же был усилен трагический пафос²³. В рассказах Крюкова отразились контрастные представления о казачестве: с одной стороны, свободолюбие, высокая самоидентификация, воинская отвага, с другой – выполнение полицейской функции, раскол внутри казачьей среды.

В параграфе 1.3, *«Комплекс родного края в прозе Ф. Крюкова»*, рассмотрена константная в произведениях донских писателей тема дома, выразившая в целом «рефлексию литературы XX–XXI веков»²⁴. Оговаривается биографический фактор в формировании Крюковым комплекса родного края (дом, станица, степь, Дон). В очерках революционного времени осознание стабильности казачьего уклада сменяется ощущением возможной утраты дома («Обвал», «В углу», «Войсковой круг и Россия», «В гостях у товарища Миронова», «Противник», «На переломе», «Партизаны», «Чувство чести и достоинства», «Усть-Медведицкий боевой участок» и др.).

В произведениях Крюкова комплекс родного края выражен в привязанности казака к месту рождения, сохранении верности отечеству,

²³ Например, Ф. Крюковым (рассказы 1890-х–1910-х гг.), С. Есениным («Пугачев», 1922), Вс. Ивановым («Про двух аргамаков», 1923; «О казачке Марфе», 1926 и др.), Н. Туроверовым (лирика 1920-х гг.), А. Чапыгиным («Разин Степан», 1927), П. Васильевым («Песня о гибели казачьего войска», 1932; «Соляной бунт», 1933), М. Шолоховым («Донские рассказы» 1920-х годы.; «Тихий Дон», 1927–1940), В. Шишковым («Емельян Пугачев», 1938–1945), К. Седыхом («Даурия», 1948). Далее – С. Злобиным («Степан Разин», 1951), В. Шукшиным («Я пришел дать вам волю», 1969), А. Ивановым («Ермак», 1985), В. Лихоносовым («Наш маленький Париж», 1989) и др.

²⁴ Голубков М.М. Образ русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI веков // Ортодоксы и еретики русской литературы XX–XXI веков / Под ред. М.М. Голубкова; сост. Г.В. Зыкова, Н.А. Нерезенко, О.С. Октябрьская, А.А. Сёмина. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 12.

родовой культуры, что объясняет частотность песенных вставок, изображения игровых битв станичников, плясок, народного костюма. Передана письменная и устная лексическая культура. Например, в речи героинь-матерей отражаются традиции плачевых причитаний с их импровизационностью, лиричностью, интонационным наращиванием, напевностью в сочетании с эпичностью, повторами, обращениями, инверсиями, устойчивыми словосочетаниями²⁵. Письмо молодого казака-воина к «дорогой мамушке Варваре Аксеновне» («Станичники») с обращением на «вы», ласково-уважительной лексикой, высоким стилем и просторечиями, повторами синонимов («плакали-рыдали»), внутренними рифмами и устойчивыми словосочетаниями («Ты лети, мой листок, от запада на восток, ты лети, возвивайся, никому в руки не давайся... Дайся тому, кто мил сердцу моему, и дайся одной – моей матушке родной!»²⁶) аналогично письму донца-эмигранта к родителям в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» (1925). Подобные повествования – «источники этнокультурной информации»²⁷.

В ряде рассказов станицы противоположны городу (такая антитеза показана и в рассказе И. Сазонова «Обида» 1911 г.). Вместе с тем в «Офицерше» герой, узнавший городскую бытовую культуру, воспринимает дом как чужое место. Так комплекс родного края лишается одной из констант – незаменимости, самодостаточности; его целостность разрушается изнутри.

Повествование Крюкова сфокусировано на герое. В его произведениях постоянна тема выживаемости личности в драматических обстоятельствах и пределов адаптации. В параграфе 1.4, «**Ф. Крюков о драматизме казачьей жизни (общая характеристика)**», представлено разнообразие конфликтов, привносящих в жизнь персонажей острый драматизм, порой перерастающий

²⁵ Альтшулер М.С. Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: дисс. ... канд. искусствовед. М., 2007. 158 с.

²⁶ Крюков Ф. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 72, 73.

²⁷ Ненькина Е.В. Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. С. 3.

в трагизм. Во-первых, Крюков выражает свою эмпатию по отношению к персонажам («Казачка», «Зыбь», «Душа одна», «К источнику исцелений» и др.); он вводит в ряд произведений рассказчика, через которого передает авторское сочувствие герою (героине). Во-вторых, в произведениях Крюкова описана конфликтность времени («Шквал», «Шаг на месте», «Полчаса» и др.). В-третьих, сложная эпоха обострила сложные личностные характеристики донских казаков, в том числе внутренние конфликты. В-четвертых, чрезвычайность конфликтов повышается низким уровнем образованности казаков, чему посвящены публицистические выступления Крюкова. В-пятых, драматизм судеб казаков был обусловлен исторически сложившимися и обострившимися в 1900-е годы конфликтными отношениями с иноверцами, иногородними, что также описано в рассказах.

Сюжеты Крюкова отражают кризисные явления в казачьем обществе, слом моральных норм («Станичники» и др.). Многие драматические ситуации объясняются не столько внешними, сколько имманентными причинами (жажда наживы, супружеские измены, стихийные погромы и т.п.).

В параграфе 1.5, **«Отражение политических, общественных позиций Ф. Крюкова в художественной прозе и публицистике»**, систематизируются общественно-политические взгляды писателя, его отношение к революционной обстановке 1900-х и 1910-х годов. События 1905–1907 гг. обусловили появление в его прозе новых сюжетных ситуаций: забастовка гимназистов («Новые дни»), бунт казаков против их использования в полицейских целях, погромы («Шаг на месте»), казачьи волнения в станице Усть-Медведицкой («Шквал»), ждущая перемен молодежь, военные суды («Зыбь», «Мать», «В родных местах») и др. Во время заключения в «Крестах» (1909) Крюков создал рассказы, в которых изображено сознание арестанта («У окна», «Полчаса», «В камере № 380»). В произведениях отразились события русско-японской войны, Первой мировой и Гражданской войн. Авторская позиция созвучна программе партии народных социалистов (цель – социализм;

отрицание террора и др.).

В 1.5.1. (*«Общественные взгляды Ф. Крюкова в 1900-е годы, их отражение в творчестве»*) рассмотрены положения речи писателя, произнесенной во время заседания Первой государственной Думы: утрата казаками исторической и социальной идентичности, несение полицейско-экзекуционной службы; требование свободы собраний и сохранение демократической формы самоуправления; сокращение срока военной службы, жестокие наказания; решение аграрного вопроса, обнищание казачьих хозяйств и др. Круг поставленных перед депутатами проблем лег в основу рассказов, очерков Крюкова («Без огня», «Зыбь», «Мечты», «На тихом Дону», «Счастье», «Такса» и др.) Впечатления от первой русской революции определили социальную проблематику рассказов и очерков, но в них прозвучала и тема неоднозначности человеческой природы, описано несоответствие человеческих инстинктов идеалам политической борьбы. Показателен рассказ 1907 г. «Шаг на месте»; уже в нем проявились сомнения Крюкова в безупречности борьбы с государственным порядком и общественными устоями. Кровавость событий, анархию и вседозволенность он объяснял отсутствием четкой идеологии, способной политически организовать массы.

В 1.5.2. (*«Ф. Крюков о Первой мировой войне»*) анализируется изображение российского общества, армии и состояния рядовых-фронтовиков. Крюков объективно описал противоречия военного времени. В годы войны доминирующим жанром его прозы стал очерк («Около войны», «На войне. В Азербайджане», «За Карсом (На Турецком фронте)», «Сестра Ольшвангер (Из закавказских впечатлений)», «В сфере военной обыденности» и др.), в котором отражен народный взгляд на войну. Крюков избегал изображения самого факта героизма или жестокого боя, часто через разнородные детали он передавал многоголосие народной скорби. Крюков заострил вопрос о всенародном смысле войны, изменении хуторского мировидения:

«деревенское внимание вышло из тесной околицы, чтобы приковаться к более широкому и далекому – к участи родной земли, к судьбам чужих народов, и – может быть – к судьбе всего человечества»²⁸. В очерке «В сфере военной обыденности» развита толстовская мысль о духе войска. Толстовская традиция проявилась и в интересе Крюкова к воину с негероической, невзрачной внешностью. Впечатления от Галицийского фронта стали источником темы кризисного состояния армии, нарастания среди офицеров низких инстинктов. Война как рубеж в судьбе частного лица представлена в рассказе «Ратник».

В 1.5.3. (*«Революции 1917 года и Гражданская война в прозе Ф. Крюкова»*) оговаривается надежда Крюкова на возрождение казачьей вольности и казачьего Круга вследствие Февральской революции. Главной конфликтной проблемой он определил земельный вопрос («Новый строй»). Вместе с тем он отметил активность в революционной действительности маргиналов, дискредитировавших саму идею революции.

С Октябрьской революцией критицизм Крюкова перерос в оппозицию («О Войсковом круге»); он обвинял большевиков в развале государства, расхищении природных богатств, неуважении к закону. Однако Крюков не поддержал сепаратистских стратегий донского казачества. Считая себя русским писателем, а Гражданскую войну борьбой за целостность России, он не разделял точки зрения на донских казаков как самостоятельный этнос («Процесс о колдовстве»)²⁹.

Противостояние Крюкова Октябрьской революции высказано в ряде очерков («Усть-Медведицкий боевой участок», «В гостях у товарища Миронова», «После красных гостей» и др.) В художественном очерке

²⁸ Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 264.

²⁹ А.И. Ригельман в 1778 г. писал: донские казаки «мнят будто б они от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов взялись, и для того считают себя природою не от московских людей». Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1992. С.17.

«Еще во время Гражданской войны начала XX в. казаки называли красногвардейские части из Центральной России “ваньками”, “иванами”». Сонов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2008. №4. С. 74.

«В углу», написанном в апреле 1918 года, детально описано перерастание революции в смуту, анархическую экспроприацию, показан раскол внутри казачества. Крюков был настроен на сопротивление Советской власти силой. Сопоставление содержания очерка Крюкова с повестью П. Краснова «Степь» (1918) и художественными мемуарами И. Родионова «Тамба» (1926; события также относятся к 1918 г.) выявляет сходство авторских позиций.

Во второй главе **«Ценностные ориентиры донского казачества в произведениях Ф. Крюкова»** рассмотрены доминантные темы прозы писателя. Крюков стремился к полноте описания казачьего бытия. Его персонажи – люди действия, остро реагирующие на вызовы времени.

В параграфе 2.1. (**«Темы жизни и смерти в произведениях Ф. Крюкова»**) анализируются представления Крюкова о жизни и смерти, сочетании витальных и мортальных смыслов бытия, выраженные прежде всего в сюжетах и диалогах, минимум места отведено авторским комментариям. Писателя не привлекали философские абстракции, он обращался к узнаваемой повседневной конкретике рядового человека. Повторяющаяся тема – жизненная сила молодого казака («Гулебщики», «Зыбь», «Из дневника учителя Васюхина», «Душа одна», «Казачка», «Цветок-татарник» и др.). Витальность казака, как правило, передана через его исключительную природную яркость («богатейший – сильный, гибкий и высокий»³⁰; «удалой боец и забубенная голова <...> Его стихия – кулачный бой»³¹; «на редкость здоровый, силач, гуляка, весельчак»³² и т.п.). В ряде ситуаций личные страсти казаков и казачек выходят за пределы христианской морали, но не сопровождаются авторским осуждением, физиологические детали не оскорбительны, передают глубину чувства.

Витальной экспрессии противоположны унижающие и уничтожающие человека обстоятельства: страх перед расплатой за плотский грех,

³⁰ Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С. 35.

³¹ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 215.

³² Там же. С. 207.

вытравление плода, самоубийство, арест, тревога, смерть и т.п. Мортальные ситуации ряда повестей и рассказов Крюкова подтверждают мысль М. Хайдеггера о смерти как личном «экзистенциальном феномене»³³. Но если Хайдеггер полагал, что обозначенный феномен самой личностью не выбирается, то в большинстве ситуаций герои Крюкова сами (в силу страстности натуры или одержимости идеей) совершают поступок, приближающий их к гибели или ограничению свободы («Гулебщики», «Казачка», «Зыбь» и др.). Бытийный смысл чьей-либо смерти герои Крюкова и сам повествователь видят в познании целесообразности и полноте собственного существования: «Есть неожиданная и своеобразная прелесть в этом сочетании неистребимой жизненной энергии и близкого веяния смерти»³⁴ («Цветок-татарник»). Однако массовые смерти во время войны онтологически бессмысленны («После красных гостей», «Усть-Медведицкий боевой участок»).

В круг чтения Крюкова входило философское наследие А. Шопенгауэра. Показанную в сознании казаков связь смерти и витализма можно соотнести с мыслью Шопенгауэра о том, что «вся природа, включая человека, есть выражение ненасытной жажды жизни»; при этом если земная жизнь и воля к жизни конечны, то ценность смерти, по Шопенгауэру, – в вечности и переходе к бессмертной воле³⁵. Но, как правило, герои Крюкова не задумываются о существовании души за пределами земной жизни. В большинстве произведений они верят в преодоление смертоносных ситуаций; например, скорбь при бегстве от красных, во время исхода из родных станиц превозмогалась «здоровым инстинктом самосохранения», верой в одоление беды, надеждой на пропитание и кров, «жизненной упругостью»³⁶ («Здесь и там»).

³³ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина; предисл. Т.В. Щитцовой. М.: Ad Marginem, 1997. С. 240.

³⁴ Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. С. 249.

³⁵ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. С. 287–288.

³⁶ Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. С. 256.

В параграфе 2.2. (*«Бытовая повседневность как драма жизни»*) рассмотрена тема семейного, станичного уклада, прежде всего отношения казаков к труду – константной ценности их существования. Писатель акцентировал внимание на диссонансе низкого экономического состояния семей и высокого природного потенциала станичников.

Во-первых, в ряде произведений казаки относятся к семье как фактору хозяйственного уклада. Во-вторых, для многих труд на своей земле связан с сознанием собственника, труд ремесленный – с самооценкой искусного мастера. В-третьих, от рассказа к рассказу все активнее обозначалась связь материальных лишений с пробуждением политического сознания (*«Будни»*, *«Галуны»*, *«В родных местах»* и др.).

Крюков указывал на обостряющие драматизм жизни факты *«человеческого одичания»*³⁷ (пьянство, *«раздор да свары»*, *«темная злоба»*, готовность *«подслужить сытому, продать брата родного»*³⁸, предательство, снохачество, рукоприкладство и т.д.). В личные и социальные конфликты вовлечены разные слои общества – от простых станичников и призывников на военную службу до лавочников, атаманов, учителей. Из персонажей особенно выделяются рядовой казак как социальная, хозяйственная, военная основа в иерархии казачества, казак-интеллигент, казачка.

В параграфе 2.3. (*«Мотив бунтарства в прозе Ф. Крюкова»*) прослеживается проявление политического сознания донских казаков в *«победе над тяжестью мира»*³⁹, отмечается сюжетообразующая роль мотива противостояния злу силой. Крюков в понимании зла – традиционалист, не принимавший эстетизации и притягательности зла. Поступки и диалоги персонажей направлены прежде всего против социального зла. В рассказах и повестях, написанных до Октябрьской революции, значительное место

³⁷ Крюков Ф.Д. Будни // Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 30.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж: YMCA-press. 1972. С. 23.

отведено интеллигентам из казаков («Из дневника учителя Васюхина» и др.), их роли в политическом просвещении станичников, распространении революционной литературы. Однако в 1917–1919 гг. писатель изобразил расправу красных казаков над казачьей интеллигенцией («В углу» и др.).

В прозе Крюкова дореволюционного периода, во-первых, стихийному и анархическому бунту противопоставлена идеологически организованная борьба («Зыбь», «Шаг на месте», «Счастье» и др.) и, во-вторых, поставлен вопрос о том, насколько общественный порядок соответствует ценностям Святого Писания («Счастье», «Шквал» и др.). Казаки приходят к мысли о том, что ради богоустроенности мира следует изменить общественный и государственный порядок, что «сам Иисус Христос был социалист»⁴⁰.

В большинстве произведений Крюкова повествователь сохраняет внешний нейтралитет, что можно объяснить влиянием М. Горького⁴¹. Вместе с тем эмпатия автора обращена к сторонникам перемен. Помимо идеологических и хозяйственных мотиваций борьбы указано на недовольство казаков исполнением службы подавления стачек, митингов: «Мы – усмирители. Масса еще не представляет себе, какая позорная роль на нас возложена»⁴² («Шаг на месте»), что отличает взгляды Крюкова от политической позиции П. Краснова («История войска Донского», 1909), для которого усмирительная миссия казаков – героическое противостояние внутренним врагам. Как Крюков, Краснов аргументировал свою точку зрения евангельским высказыванием (Мф. 18: 6). В произведениях Крюкова прозвучала еще одна причина социального недовольства казаков – стыд за поражение в русско-японской войне: «нас и маленькая земля Япония побила»⁴³ («Шаг на месте»), что соответствует словам казака из «Истории

⁴⁰ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 293.

⁴¹ М. Горький советовал Крюкову при публикации «Зыби» в «Знании» сохранить позицию стороннего наблюдателя: «Вообще не следует вмешиваться в столкновение своих героев – они же суть ваши читатели – они сами по себе». Письма М. Горького к Ф.Д. Крюкову. 1909 г. / Публ. Б.Н. Двинянинова // «Русская литература». 1982. №2. С. 96.

⁴² Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 96.

⁴³ Там же. С. 119.

войска Донского»: «маленький японец бьет нашего солдата, и мы отступаем»⁴⁴.

В прозе Крюкова не встречаются образы божьих людей, народных праведников. Но религиозное сознание донских казаков – сквозной мотив. В продолжение содержания предыдущего параграфа в параграфе 2.4 (*«Религиозные мотивы в произведениях Ф. Крюкова»*) выявляются библейские реминисценции, мотивирующие поступки персонажей и влияющие на их умонастроение («Жажда», «К источнику исцеления», «Зыбь» и др.). Показателен рассказ «Шквал» (2.4.1, *«Незыблемость устоев и неизбежность перемен в религиозном аспекте (“Шквал”)*»). Крюков переводит библейские тезы на уровень социально-политической полемики. С одной стороны, основанием в политическом противостоянии являются высказывания апостолов Павла о покорности высшим властям, «ибо нет власти не от Бога» (Рим.13: 1–2), и, скорее всего, Петра, поучавшего: «Ради Господа подчиняйтесь всякой власти, установленной людьми» (1Пет. 2:13–14). С другой стороны, на казачьем сходе звучат слова пророка Исаии: «проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего» (Ис.61:1–2). Актуальное осмысление получают слова персонажа о народах-овцах, которых пастыри оставили на расхищение зверей. Так побудительной силой для изменения умонастроений станичников становятся слова из Книги пророка Иезекииля (Иез. 34: 4, 8). В «Зыби» персонаж ассоциирует себя с пророком Илией и мечтает, чтобы рядом с ним был бы некто, сходный с пророком Енохом, – тогда он показал бы миру громы и молнии (по-видимому, источник: Откр. 11: 5, 11).

Характерны религиозные обоснования психологических состояний персонажей, в частности надежд на помощь святых, например в описании паломников (2.4.2, *«Ф. Крюков о вере народа («К источнику исцелений»,*

⁴⁴ Краснов П.Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. С. 424.

«Жажда»»). В рассказе «К источнику исцелений» Крюков передал свое впечатление от безысходности горя и силы веры народа, которое писатель получил летом 1903 г. во время паломничества к открытию мощей преподобного Серафима Саровского. Но Крюков показал и разницу в народном отношении к Богу и Церкви. В рассказе «Жажда» описано зависимое от меркантильных прихожан материальное положение священнослужителей, что сказывается на качестве церковной службы.

В параграфе 2.5 («**Образы казачек в произведениях Ф. Крюкова**») анализируется изображение чувств женщины, ее положения в казачьем среде (2.5.1. «*Статус женщины в казачьем сословии (общая характеристика)*»). Статус казачек отличен от положения женщины в общерусских крестьянских, купеческих, мещанских семьях⁴⁵; казачка – тип хозяйки, управляющей жизнью дома во время воинской службы мужа. В XIX в. и XX в. изображалась вольнолюбивая казачка, обладающая самостоятельным голосом в семье⁴⁶. В прозе Крюкова выделяются образы матери и молодой казачки, в которых запечатлен исторически сложившийся и меняющийся казачий менталитет.

Если образ матери в «Донских рассказах» Шолохова («Бахчевник», 1925; «Коловерть», 1924; «Чужая кровь», 1926) значим, но не центральный, то в ряде произведений Крюкова на нем сфокусирован сюжет. В рассказе «Гулебщики» представлен образ матери-наставницы, в рассказе «Мать» – матери-заступницы, в рассказе «Душа одна» – матери-молельщицы (2.5.2, «*Материнство в семейной аксиологии*»). В письменной литературе, начиная с «Казачьей колыбельной песни» (1838) М. Лермонтова, в образе

⁴⁵ Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X–начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 1997. 357 с.

⁴⁶ Денисов В. Изображение казачества в раннем творчестве Гоголя и его «Взгляд на составление “Малороссии”» // Гоголеведческие студии. Вып. 5. М.: НЕЖИН, 2000. С. 203–208; Синцова С.В. Гендерная проблематика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» как результат взаимодействия фольклорных и литературных традиций // Вестник ТГГПУ. 2011. 1(23). С. 262–267.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1832) Гоголя есть самодостаточные Солоха, Оксана, Ганна, Хавронья Никифоровна, кумова жена, свояченица головы и др. В «Кзаках» (1863) Л. Толстого – Марьяна. Далее И. Сазанов акцентировал внимание на душевных потребностях казачки: «У всякой свое горе. Муж что? Ему от бабы одно нужно, а она души просит. Ей и попеть, и поплакать хочется. В ней тонкости много...» (Сазанов И.Д. Как червь ползущий // Избранное / Науч. ред. и сост.: А.Х. Гольденберг. Волгоград: Изд-во ВГСПУ: Перемена, 2013. С.115). Позже – образы Ильиничны, Аксины, Дарьи (М. Шолохов. «Тихий Дон»).

матери-казачки сочетались мотивы материнской заботы и задачи воспитания сына-богатыря, благословения его на подвиг. Мотив воинского долга сына отражен в песнях донских казаков, издававшихся в начале XX в.⁴⁷

Характеры проявляются в поступках, переживаниях, эмотивной лексике. Помимо привычного слова «матушка» («Мать») Крюков использовал выразительные «мамушка» («Гулебщики»), «мамунюшка» («Офицерша»). Чувства обозначаются такими экспрессивными оценочными словами, как «жадно», «бережно», «рыдание», «хмуро», «немошно», «горько», «жалостливо» и др. Для эмотивного типа повествования⁴⁸, к которому Крюков прибегал для изображения материнства, продуктивны эллипсисы, восклицательные предложения, обращения, молитва; повтор строится либо на удвоении (эпаналепсисе): «не плачь, не плачь... слезами не поможешь ведь» и др., либо по принципу прибавления (анадиплосиса): «тяжело было говорить, тяжело молчать»⁴⁹ и др.

Если в образе матери выражен семейный уклад казаков, то молодая казачка-жалмерка – пример свободной личности, не созвучный семейному консерватизму (2.5.3, «Сюжет о жалмерке»). На примере рассказов «Офицерша», «Казачка» описана двойственность психологических состояний героинь: желание грешить, утолить плотскую страсть как выражение витальной силы («Сердце злое, сердце ретивое... Не дает сердце мое покою...», «Молодой... И сердце уж ждет его, любит, зовет...»⁵⁰) диссонирует с осознанием неизбежного физического наказания мужем, вернувшимся с военной службы, реже – со стыдом за грех. Страх и стыд – ограничители, «накладываемые на естественное поведение человека»⁵¹, но, как показано в

⁴⁷ Хрецицкий Р.А. Войска Донского казачьи песни. М.: П. Юргенсон, 1906. 103 с.; Голубинцев Н.Н. Песни донских казаков. М.: б.и., 1911. 79 с. и др.

⁴⁸ Керова А.В. Восклицательные предложения как средства выражения эмотивности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2016. №21 (760). С.179; Коростова С.В. Микрополю эмотивности: языковые проекции в русском художественном тексте // Русистика. 2018. №4. С. 416.

⁴⁹ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 233.

⁵⁰ Крюков Ф. Офицерша // На Дону. В родных местах. С. 264.

⁵¹ Лотман Ю. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю. Чему учатся люди: Статьи и заметки / Предисл. П. Тороп; сост. С. Салупере, П. Тороп. М.: Центр Книги Рудомино, 2010.

рассказах Крюкова, далеко не всегда действенные.

В изображении любовных отношений Крюков предпочитал простоту, непосредственность и сиюминутность оттенков чувства; недостатком редактируемых им рукописей он считал излишнюю сентиментальность⁵².

Крюков сосредоточен исключительно на изображении естества, плотской силы, что отличает его произведения о жалмерках от сходных ситуаций, описанных в «Донских рассказах» Шолохова; например, в рассказе «Двухмужняя» (1925) повествование об интимном подавляется мотивом социального выбора женщины: «Знал, что ты вернешься в коллектив»⁵³.

В параграфе 2.6, «*Место этнических отношений в жизни казаков («Гулебщики» Ф. Крюкова и «Степные люди» А. Серафимовича)*», акцентируется внимание на изображении конфликтных отношений между казаками и народами, населявшими их территорию обитания и соседние земли⁵⁴. В «Гулебщиках» описывается участие молодого казака в набеге на черкесский аул и его гибель в степи от калмыцкой пики. В «Степных людях» (1902)⁵⁵ казак – жертва конфликта со старой калмычкой. Оба писателя рассказали о поджидающих «человека степи» трагедиях, которые происходят как в устоявшейся казачьей жизни, так и в разрушаемом естественном существовании калмыков⁵⁶. Проявляя эмпатию к героям-казакам, писатели, однако, не разделяли персонажей на виноватых и невинных.

Многие калмыки сочувствовали белогвардейцам и «бывшим», что видно, например, из повести П. Краснова «Степь» (1918).

С. 371.

⁵² Из письма А.И. Тинякову (1903): «Описания любви и любовных объяснений Вам совершенно не удалось: много сентимента и мало простоты». ОР ПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 447, ед. хр. 22 (4498), л. 1.

⁵³ Шолохов М. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1 / Предисл. Ю. Лукина; примеч. Л. Вольпе. М.: Худож. литература, 1965 С. 234.

⁵⁴ Об этом также: Родионов И.А. Тихий Дон. СПб.: Типо-лит. т-во «Свет», 1913 (обл. 1914). 236 с.

В рассказе «Шаг на месте» Крюкова приведено рассуждение казака: «Нас русские стесняют. Русских народов выгнать в Рассею, – ну, действительно, нам бы просторнее стало». Крюков Ф. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 104.

⁵⁵ Серафимович затрагивал проблемы казаков в рассказах «Белая глина» (1906), «Колечко» (1908), «Старое» (1910), «Чибибис» (1911) и др.

⁵⁶ Очиров У.Б. Калмыцкие этнические группы на Дону и Украине // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Коллективная монография. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 624–658.

В третьей главе, «**Специфика и роль визуальных образов (портреты, пейзажи)**», анализируются средства изображения характеров. Параграф 3.1, «**Особенности описания портретов**» посвящен анализу портретов в прозе Крюкова. Портретные черты героев наделены комплексом художественных функций – от психологических до социальных и этнокультурных; они же играют роль в развитии сюжетов, являясь источниками восприятий и, как следствие, поступков персонажей. Анализ внешнего портрета в таких произведениях, как «В глубине», «В глубине народной», «Душа одна», «Из дневника учителя Васюхина», «Казачка», «Мать», «Новые дни», «Ратник», «Станичники», «Старая левада», «Тишь», «Товарищи», «Тоска», «Шаг на месте», позволяет сделать ряд выводов (3.1.1, «*Место портрета в изображении характера. Средства создания внешних портретов*»). В изобразительной системе рассказов Крюкова портрет не доминирует, но значим для раскрытия индивидуально-типологических свойств героя. Крюков – мастер лаконичного портрета, наделенного значимым смыслом. В большинстве произведений композиция портретных описаний традиционна – от целого к деталям, с развитием сюжета детали физического портрета уступают место психологическим. Комментарий автора минимален.

В рассказах сочетаются портреты статичные и динамичные, оценочные и портреты-штрихи. Акцент сделан на деталях, передающих яркое природное начало казака или казачки, экспрессию чувства. Например, в сильной позиции стоят слова одного корня («истомило», «томно сердцу», «выливает истому»)⁵⁷ в пределах одного эпизода. Особая роль уделяется параллелизмам, сравнениям физических свойств и эмоций персонажа с состоянием природы (пробуждающееся чувство казачки к казаку и весеннее пробуждение природы, «радостно-возбужденный крик птицы»; «солнце весеннее всё истомило пьяным зноем своим»; «нежный, призывный, радостный» крик казарок, на

⁵⁷ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 264.

который сердце отзывается «сладким трепетом»⁵⁸). Свое место отведено физиологическим деталям с зооморфной семантикой. Например, «желтые зубы дружественно скалились из-под густых усов»⁵⁹; у молодого казака «весело оскалены зубы», его молодость подчеркнута характеристиками его коня («лошадка молодая», «молодой конек»)⁶⁰.

В портретах выражены точки зрения повествователя и «другого»⁶¹ (3.1.2, «Точка зрения автора в описании портрета»). Крюков, создавая отстраненные и эмотивные портреты, использовал сочетание разных точек зрения на внешность персонажа; частый тип композиции точек зрения при создании портретов – их совпадение (например, отцовское восприятие внешности призванного на службу сына в рассказе «Душа одна» совпадает с точкой зрения автора).

В параграфе 3.2. («*Назначение и специфика пейзажей*») выявлены содержательный смысл пейзажей и художественный инструментарий их создания, роль пейзажей в сюжете и описании характеров. Пейзаж как пространственный образ «декодирует» картину мира Крюкова, его понимание природы как бесконечного и многообразного универсума

Крюков через пейзаж структурирует художественное пространство⁶², вводит его в первые эпизоды, задавая тем самым тексту нарративную тональность, располагает в финальных эпизодах, придавая им символический, резюмирующий смысл, определяет ему место в срединных фрагментах, наделяя его связующей или психологической функцией (3.2.1, «*Общая характеристика пейзажей*»). В его произведениях сочетаются панорамность и крупный план, изначальная природа и окультуренная станичниками, высокое и низкое, образы горизонтального уровня и вертикального, живое и

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 148.

⁶⁰ Там же. С. 265.

⁶¹ Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 210.

⁶² Топоров В. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. редактор Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284; Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. С. 106.

неживое. Показательна миниатюра «Край родной» (1918). Целостность природного мира представлена множеством пейзажных деталей: «тихий свет зари», молодой месяц, воды «старого, милого Дона», «клекот сизого орла», могильные кресты, белые курени в зелени вербовых рощ, кизячный дым, укроп на огороде, «буреющая солома»⁶³ и т.д. Крюков, в отличие от описания портретов, ввел в изображение природы прямые авторские комментарии или размышления рассказчика, придающие пейзажам витальный смысл. Например, в рассказе «Зыбь» повествователь ощущает природу как жизнеспорождающий мир, в котором всякая тварь, трава, земля пребывают в движении, наполняются весенними соками. В ряде пейзажных образов подчеркнут мортальный конец земного бытия персонажей (финальные эпизоды «Казачки» и «Гулебщиков») ⁶⁴, но и этот мотив дополняют образы вечности (моргающие на небе звезды, цветы на могиле). Крюков не описывал конфликтных отношений природы и человека, его герои не переживают своего ничтожества, тленности, богооставленности в огромном мире. Сквозной образ в прозе Крюкова – широкая степь ⁶⁵.

Частотное описание, во-первых, ощущения персонажем своей связи с природой и, во-вторых, перцептивного восприятия природы (3.2.2, *«Экзистенциальность и феноменологичность в изображении природы»*). Экзистенциальный смысл пейзажей в прозе Крюкова заключается в том, что они являются «языком описания» ⁶⁶ существования героев, их осознания себя и переживания того, что с ними происходит; например: «Мы смотрели за кругами, расходившимися по воде, и завораживала нас тишина, навевала грезы без образов, тихий сон души, в котором было ясное небо и ясные воды,

⁶³ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 512.

⁶⁴ Крюков продолжил традицию изображения могильного топоса («Бедная Лиза» (1792) Н. Карамзина, «Сельское кладбище» (1802) В. Жуковского, «Евгений Онегин» (1831) А. Пушкина, «Обломов» (1859) И. Гончарова, «Отцы и дети» (1862) И. Тургенева, «Ионыч» (1898) А. Чехова и др.).

⁶⁵ Крюков продолжает традицию описания степи, сложившуюся в «Тарасе Бульбе» (1842) Н. Гоголя, рассказе И. Тургенева «Лес и степь» (1852), в «Степи» (1888) А. Чехова и др. Семантически сходные характеристики степного пространства в «Трех ключах» (1827) А. Пушкина, «Прекрасны вы, поля земли родной...» (1831) М. Лермонтова, «Косаре» (1836) А. Кольцова, «Степи» (1849) П. Вяземского, «Каменной бабе» И. Бунина.

⁶⁶ Фарина Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. С. 282.

и голубые дали, и золотые воспоминания прошлого, и мысли, которых не выразишь словом»⁶⁷ («На речке лазоревой»). «Я» и мир обратимы. Пейзаж как самоценный компонент повествования крайне редок. При этом природа представлена в непосредственном, неаналитичном восприятии, что отвечает принципам феноменологической поэтики. Например: «там, за холмами, за хутором Чигонацким, садилось солнце, не видать его было, но горело розовым золотом белое облако на востоке. Раза два вздрогнул ветерок, мелкая зыбь посеребрила реку и улеглась»⁶⁸ («На речке лазоревой»).

Характеры персонажей созвучны специфике региональной природы (3.2.3, «*Пейзаж как выражение менталитета донских казаков*»). Можно предположить, что Крюков придерживался взглядов на значительную роль «природно-климатических (географических) факторов»⁶⁹ в формировании национального характера. Пейзаж является «онтологическим контекстом личности»⁷⁰, детерминантой в характерологии рассказов, повестей и условием высокой самоидентификации героев. Актуальны для понимания менталитета донского казачества замечания В.О. Ключевского о роли речной степи в укладе вольного казака, сочетании «просторного горизонта», влиявшего на «чувство шири и дали», и реки, приучавшей его к порядку («Она и сама любила порядок»)⁷¹. Крюков в ряде рассказов акцентировал внимание на том, что степь казака «захватывала и покоряла»⁷². Вместе с тем при освоении степи донское казачество подвергалось суровым испытаниям; исторически в борьбе за выживание формировалась психология захвата и вытеснения⁷³, что выражено в героях «Гулебщиков, повторяющихся в ряде

⁶⁷ Крюков Ф.Д. Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе. С. 244.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Пестрикова И.Е. К вопросу о влиянии географических факторов на формирование менталитета русского народа // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 60.

⁷⁰ Кучукова З.А. Онтологический метод как ядро этнопоэтики. М.: Начальник, 2005. С. 18.

⁷¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина; предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл., коммент., сост. В.А. Александрова, В.Г. Зимица. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 82.

⁷² Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С. 42.

⁷³ Как писал В.Н. Ильин, Россия в силу природных условий жизни не могла сформироваться только как космос и представляет собой «хаокосмос», страной «поляризаций», «вечной гражданской войны», но никак

рассказов эпизодах кулачных боев, погромов.

Для изображения пейзажей (3.2.4. «*Стилевые приемы в описании природы*») Крюков прибегал к высокой плотности образов; он использовал полихромиию (особенно в описании степи); природное пространство его произведений полифонично, насыщено множеством звуков; писатель часто сочетал цветовые, обонятельные и звуковые характеристики пейзажа (станичная улица «закутана серебристым туманом лунного света», слышны трели гармоники, соловьев, лягушек, доносится «запах сирени, тополей, кизяка и какой-то душистой травы»⁷⁴); часто обонятельные образы поставлены в сильную семантическую позицию (например, арестант мечтает, как вернется «в тесноватые, уютные стены, которые так знакомо пахнут печеной тыквой и дымком»⁷⁵); широко используются эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения, лексические повторы.

В **заключении** представлены итоги исследования. Ф. Крюков верен принципам реализма. Проза Крюкова имела демократическую направленность, была обращена к современности, проблематика произведений свидетельствует о глубоком знании исторического опыта донского казачества. Крюков привнес в свою прозу автобиографический опыт (военный, общественно-политический).

В результате сопоставительного анализа текстов выявлены авторские приоритеты в изображении менталитета донских казаков, в частности их гражданских, культурно-этнических, религиозных, бытовых, этических, эстетических традиций, развития личностного сознания, разрушения родовых устоев. Социальные, военные, хозяйственные аспекты жизни описаны Крюковым в сочетании с изображением характеров, темпераментов казаков и казачек, их сложного внутреннего мира, драматических и трагических

не «беспечного оптимизма». *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре / Вступ. ст. А. Козырева. СПб.: Акрополь, 1991. С. 60, 41.

⁷⁴ *Крюков Ф.Д.* Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 19.

⁷⁵ *Крюков Ф.Д.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 286.

межличностных столкновений. Описывая не склонных к рефлексии персонажей, Крюков придерживался принципа сдержанного психологизма. Сюжеты выстраиваются на основе семейных драм, конфликтных отношений между казаками, обусловленных и внешними обстоятельствами (например, мобилизацией, революцией), и неукротимыми страстями. Сквозная тема произведений Крюкова – ценности жизни. При акценте писателя на витальных силах героев особой остротой в его прозе отличается тема смерти. Полемично решена тема религиозных истин. Особое место в творчестве Крюкова занимает вопрос о росте политического сознания казаков, смысле казачьей оппозиции в дореволюционный период и в годы Гражданской войны.

Крюков – не сторонний наблюдатель. Эмоциональная дистанция между героем и повествователем сокращена, сопереживание автора передается через интонации, лексику, несобственно-прямую речь, благодаря чему достигается эмотивность повествования.

*

Основные положения исследования отражены в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Гао Хань, Солнцева Н.М.* Место пейзажа в повествовательной структуре произведений Ф. Крюкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2022. Т. 22, вып. 1. С. 95–98 (импакт-фактор: 0.139).

2. *Гао Хань.* Категория трагического в художественной прозе Ф. Крюкова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 1(49). С. 142–150 (импакт-фактор: 0.366).

3. *Гао Хань.* Концепция жизни и смерти в прозе Ф. Крюкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 5–2. С. 151–154 (импакт-фактор: 0.084).

4. *Гао Хань.* «Гулебщики» Ф. Крюкова и «Степные люди»

А. Серафимовича: художественная интерпретация этнических отношений // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2023. Т. 33, вып. 4. С. 884–888 (импакт-фактор: 0.177).

Публикация в рецензируемом научном журнале:

5. *Гао Хань*. Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова // Филология: научные исследования. 2023. №10. С. 9–14. (импакт-фактор: 0.2).